

АХ, ОДЕССА

Михаил ПОЙЗНЕР
...И в том строю есть промежуток малый... .295

Михаил ЛАНДЕР
Тетя Клава 298

Аркадий ВАЙНЕР, Эдуард КУЗНЕЦОВ
Стрельба стихами 301

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол 319

Михаил ПОЙЗНЕР

...И в том строю есть промежуток малый...

...Ты МНЕ рассказываешь?!

Наша мореходка на Маразлиевской была больше, чем родной дом. Даже представить себе нельзя, сколько бы попало за решетку, если бы не мореходка. А какая другая дорога? Одесские улицы были подготовительными курсами именно туда. А что, нет?! Вспомнить хотя бы Дюковский, "Канаву", Костецкую, Книжный переулок, еще те рыбные ряды старого Привоза... А танцы в парке Шевченко, на "Майдане"? А только один наш экипаж на Осипова?!

Чего я это вспомнил?

...Кажется, на Ришельевской, где-то между Базарной и Успенской, жил Шпиц — бывший начальник нашей мореходки. Многих этот Шпиц вернул буквально с того света — в смысле, и помог, и посадил, и не сдал властям... Хотя, наверное, почти каждый заслуживал. Одним словом, "тянул за нас мазу". К тому времени он уже болел и, как говорится, уже был одной ногой больше туда, чем сюда...

И вот, как-то на 1-ое Мая училище шло на парад по Ришельевской,

к Куликовому полю... Обычно мы замыкали колонну Жовтневого района. Ну, шли себе и шли, правда, без особой выправки. Были такие места, где парадным шагом просто нельзя было пройти. А тут еще кругом девочки... А мы же все-таки моряки! Надо же хоть подмигнуть...

Двигались "коробочкой", по 8 человек в ряду. Порóтно. Человек так четыреста. Когда подходили к дому Шпица, еще издали увидели на балконе второго этажа его одинокую сухонькую фигуру. День был теплый. Он, в морской фуражке и длинной шинели, сидел на табуретке, держась за перила. И хотя мореходкой уже командовали другие, "старики", конечно, помнили Шпица, знали, где живет, и все такое.

По колонне прошелестело: "Шпиц... Шпиц... Шпиц!". И вот тут наши передние, мгновенно оценив обстановку, преднамеренно замедлили шаг, как бы отпуская гражданских вперед. Образовалась свободная полоса. Мы подтянулись, сжались, как пружина. И тогда кто-то из стариков тихо, но жестко скомандовал: "Марш! Равнение на... право!".

Внезапно ударили барабаны. Наши барабаны!

Всего три барабанщика, но какие! Это были уникальные пацаны, их отбирали из тысяч курсантов. Еще попробуй туда попасть!

Барабанная дробь — настоящая, флотская! Это тебе не пехотная возня. Сердце вторило, отбивая ритм: "*Старый барабанщик! Старый барабанщик! Старый барабанщик крепко спал, он проснулся, перевернулся, три копейки потерял...*". Ну и так далее.

Наверное, именно под эту дробь в каждом произошел какой-то внутренний толчок, нарушивший общее оцепенение. Мы, внезапно даже для самих себя, моментально сгруппировались и перешли на парадный шаг — чеканный, с оттянутым носком и ударом по асфальту.

Затихли чужие оркестры...

Четыреста человек шли в едином порыве, повернув голову направо.

Четыреста человек смотрели на Шпица...

Руки плотно прижаты. Мичманки, сверкающие бляхи, синяя суконка, гюйсы, белые перчатки... Замерли прохожие. Казалось, время остановилось...

Когда мы поравнялись с тем балконом, Шпиц буквально почувствовал нас. Может быть, по старой привычке он даже ожидал колонну училища. Старик оперся на перила, с помощью близких поднялся и... заплакал. Потом, освободившись от чужих рук, как бы одернув себя, стал по стойке "*смирно*" и взял *под козырек*...

Люди спрашивали, осматриваясь по сторонам: "Кто это? Кто это?..".

А это были мы. Мы — одно целое!

...Потом по Куликовому полю, мимо трибун, прошли нормально, но уже, конечно, не так.

Не так...

Так мы никогда больше не ходили.

Мореходка, мореходка...

Я и сегодня еще в том строю.

А вот с "равнением" сейчас тяжело.

Не на кого...

